

**МОДАЛЬНОСТЬ ЖЕЛАНИЯ  
КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ НАРРАТИВНЫЙ ПРИЕМ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ  
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Т. ДРАЙЗЕРА «СЕСТРА КЕРРИ»  
И ЕГО РУССКОГО ПЕРЕВОДА)**

*Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта,  
г. Калининград, Россия*

**Аннотация.** В статье исследуется модальность желания как ключевой нарративный прием в речевой характеристике Керри Мибер из романа Т. Драйзера «Сестра Керри». Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения языковых механизмов психологизации персонажа в контексте интеграции лингвистического и литературоведческого анализа. Исследование проводится на материале оригинала романа и его перевода на русский язык М. Волосова методом сплошной выборки речевых контекстов с последующим сопоставительным анализом. В результате выявлена эволюция языковых средств выражения желания – от сослагательных форм до категоричных утверждений, отражающих социальную трансформацию героини. Сравнительный анализ показывает, как эти особенности функционируют в переводе, частично нивелируя натуралистическую резкость оригинала. Установлено, что модальность желания выполняет двойную функцию: служит инструментом психологического раскрытия характера и средством социальной критики. Работа вносит вклад в изучение языковых механизмов создания образа в натуралистической прозе и проблемы передачи модальных значений в переводе.

**Ключевые слова:** *модальность желания, речевая характеристика, Т. Драйзер, «Сестра Керри», сопоставительный анализ, художественный перевод, натуралистическая проза*

*М. А. Baranov*

**MODALITY OF DESIRE AS A DOMINANT NARRATIVE DEVICE  
IN CHARACTERS' SPEECH  
(BASED ON THEODORE DREISER'S *SISTER CARRIE*  
AND ITS RUSSIAN TRANSLATION)**

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia*

**Abstract.** This article examines the modality of desire as a key narrative device in the speech characteristics of Carrie Meeber in Theodore Dreiser's novel *Sister Carrie*. The study's relevance is underscored

by the need to investigate the linguistic mechanisms of character psychologisation within an integrated framework of linguistic and literary analysis. The research employs a continuous sampling of speech contexts from the original novel and its Russian translation by M. Volosov, followed by a contrastive analysis. The study identifies an evolution in the linguistic expression of desire – from subjunctive forms to categorical assertions – reflecting the protagonist’s social transformation. The comparative analysis reveals how these features operate in translation, partially mitigating the naturalistic starkness of the original text. It is established that the modality of desire serves a dual function: as an instrument for psychological character revelation and a vehicle for social criticism. This work contributes to the study of linguistic devices for characteristics in naturalist prose and the challenges of translating modal meanings.

**Keywords:** *modality of desire, speech characteristics, Theodore Dreiser, Sister Carrie, contrastive analysis, literary translation, naturalist prose*

**Введение.** Исследование художественной речи неизбежно обращается к категории модальности, которая, согласно определению И. Р. Гальперина, служит важнейшим средством выражения субъективного отношения персонажей к действительности [7, с. 113]. В отличие от нейтрального повествования, где доминирует объективная модальность, речевые характеристики литературных героев неизбежно несут на себе отпечаток индивидуального мировосприятия – это, в свою очередь, находит выражение в сложном переплетении различных модальных значений. Как отмечает В. В. Виноградов, в лингвистике сформировались принципиально разные подходы к пониманию природы модальности: если одни исследователи склонны ограничивать ее сферу исключительно субъективно окрашенными высказываниями, то другие предлагают более широкую трактовку, включающую все формы выражения отношения говорящего к действительности [6, с. 57–58]. Такой расширенный подход представляется особенно продуктивным при анализе художественного текста, в котором даже внешне нейтральные реплики часто обладают значительным модальным потенциалом за счет контекстуального окружения.

Среди различных типов субъективной модальности особое место занимает модальность желания, которая непосредственно связана с внутренним миром персонажа и особенностями его речевого поведения. Как отмечает М. В. Колосова, в английском языке желательность выражается широким спектром лексико-грамматических средств – от глаголов с семантикой желания (to crave, to yearn, to long for) до специализированных конструкций, передающих интенсивность и эмоциональную окрашенность стремлений [12]. Аналогично в русском языке, по мнению Е. А. Даниловой и Н. Ю. Петровой, ключевую роль играют грамматические средства, такие как сослагательное наклонение с частицей «бы», инфинитивные конструкции и порядок слов, которые формируют семантику желательности в высказываниях [9]. На наш взгляд, именно через призму желаний и стремлений наиболее ярко проявляется индивидуальность литературного героя, раскрываются его психологический портрет и система ценностей. При этом модальность желательности остается малоизученной в нарративном контексте, где она выступает не просто грамматическим маркером, но и инструментом психологизации персонажей. В этом отношении художественная проза Т. Драйзера с ее вниманием к внутренним мотивам и переживаниям персонажей предоставляет богатый материал для литературного анализа.

Настоящее исследование направлено на выявление нарративных функций модальности желания в прозе Т. Драйзера: от речевой индивидуализации героев до передачи их ценностных конфликтов. Такой подход позволит продемонстрировать, как языковые средства выражения желательности участвуют в создании реалистической поэтики, трансформируя грамматические и лексические паттерны в инструменты психологического письма.

В работе учитываются положения, разработанные в исследованиях модальности, а именно труды Ш. Балли [2], В. В. Виноградова [6], С. С. Ваулиной [3], [4], [5], Л. Г. Бабенко [1], А. А. Никитиной [20], И. Ю. Куксы [15], А. В. Кузнецовой [13], [14], Н. А. Мороз [16], рассматривающие категорию модальности в общелингвистическом и художественно-текстовом аспектах, включая нарратологический подход. Роль модальных структур в художественном мире Т. Драйзера и их интерпретация в переводческой практике анализируются в работах таких исследователей, как Э. Р. Насанбаева [17], [18], Т. С. Насруллаева [19], В. А. Гриб [8], Л. А. Сычугова и А. П. Евласьев [21].

Цель исследования заключается в выявлении и описании нарративных функций модальности желания в речевой характеристике персонажей романа «Сестра Керри». В работе предполагается определить степень значимости и специфику языковой репрезентации данного типа модальности, проанализировать ее роль в создании психологически достоверных образов, а также исследовать ее вклад в формирование реалистической поэтики произведения. Результаты исследования могут расширить существующие представления о взаимодействии лингвистических и литературоведческих аспектов в создании художественного психологизма.

**Актуальность исследуемой проблемы** обусловлена возможностью рассмотреть хорошо изученную лингвистическую категорию модальности в новой перспективе – как инструмент художественного исследования человеческой психологии. Подобный анализ важен для развития интегративных методов филологического исследования, где языковые формы рассматриваются в единстве с их художественной функцией. В русле антропоцентрического подхода особый интерес представляет анализ того, как вербализованные стремления героев отражают их ценностные ориентации и организуют систему персонажных отношений. Полученные результаты углубляют понимание взаимосвязи между грамматическими структурами и способами создания литературного характера.

**Материал и методы исследования.** В качестве основного материала исследования выступают роман Т. Драйзера «Сестра Керри» в оригинале и его перевод на русский язык, выполненный М. Волосовым. Методология исследования включает сплошную выборку речевых контекстов, содержащих маркеры модальности желания, с последующим многоаспектным анализом. Применяемый сопоставительный анализ направлен на выявление стратегий перевода модальных значений, а контекстуальный анализ позволяет определить функцию этих конструкций в речевой характеристике и их роль в создании психологического портрета персонажа. Интерпретационный анализ используется для объяснения причин и художественных последствий переводческих решений. Нарратологический подход применяется для определения роли модальности желания в развитии характера Керри Мибер и общей структуре повествования, что в целом интегрирует инструменты лингвистики текста, переводоведения и литературоведения.

**Результаты исследования и их обсуждение.** Как уже отмечалось выше, роман «Сестра Керри» представляет собой классический образец американского натурализма, в котором исследуется проблема социального восхождения личности в условиях буржуазного общества. Сюжет произведения строится вокруг судьбы Кэролайн Мибер – молодой провинциалки, которая, стремясь к материальному благополучию и признанию, проходит путь от скромной работницы до успешной театральной актрисы. Этот процесс сопровождается глубокой трансформацией ее мировоззрения и, безусловно, находит отражение в эволюции речевого поведения героини. Социальная предопределенность и индивидуальная воля, противостоящие друг другу в фабуле романа, проявляются и на языковом уровне – через изменение способов выражения желания: от прямолинейных девических устремлений к рефлексивным формулировкам зрелой личности. Как отмечает Я. Н. Засурский, в своем романе Драйзер не только раскрывает «трагическую зависимость

человека от социальных обстоятельств», но и поднимает вопрос о «роли искусства как возможного пути к личностной реализации» [11].

В начальных характеристиках Керри Драйзер использует сложную модальную структуру («*Whatever touch of regret at parting characterised her thoughts, it was certainly not for advantages now being given up*» [22, с. 1]), которая передает не столько внутренний конфликт, сколько своеобразную эмоциональную ограниченность героини. Формальное отрицание сожаления («*certainly not*») при отсутствии позитивного утверждения создает эффект эмоциональной скудости – вероятно, героиня не борется с противоречиями, а демонстрирует утилитарное безразличие к покидаемому миру. В переводе М. Волосова на русский язык («*Если, расставаясь с родными, она о чем-нибудь и жалела, то уж во всяком случае не о преимуществах той жизни, от которой она теперь отказывалась*» [10, с. 5]) это качество усиливается за счет разговорной частицы «уж», придающей отказу от прошлого почти бравадующий характер.

При описании умственных способностей Керри («*was possessed of a mind rudimentary in its power of observation and analysis*» [22, с. 2]) Драйзер использует пассивную конструкцию с модальным значением врожденной предрасположенности. М. Волосов переводит это как «*обладала умом, в котором были еще совершенно не развиты способности*» [10, с. 6], заменяя пассивную форму на активную и добавляя наречие «совершенно», как бы усиливая оценку незрелости героини. Интересно, что характеристика «*Self-interest with her was high, but not strong*» передается переводчиком как «*поглощена собой, и этот эгоизм, хотя и не слишком явный*», где модальный оттенок «*not strong*» – потенциальная возможность развития – заменяется на констатацию факта «не слишком явный». Описание внешности Керри («*pretty with the insipid prettiness... promising eventual shapeliness*» [22, с. 2]) важно в контексте модальности желания: Драйзер подчеркивает, что ее текущая «*пресноватая миловидность*» – лишь потенциал будущей привлекательности. Это не просто портретная характеристика, а важный элемент мотивации: нарождающиеся физические данные станут инструментом реализации желаний. Переводчик сохраняет эту идею («*сложение ее обещало... округлость форм*» [10, с. 6]), но нейтрализует натуралистическую резкость оригинала – «*insipid prettiness*» (досл.: «*безвкусная хорошенькость*») смягчено до «*пресноватой миловидности*».

Эпизод, в котором Керри, оказавшись без средств к существованию, бродит по Чикаго в поисках работы, становится важным для понимания природы ее желаний. Драйзер помещает героиню в пространство товарного изобилия («*remarkable displays of trinkets, dress goods*» [22, с. 24]), где каждый предмет («*each trinket and valuable*» [22, с. 24]) буквально требует обладания («*touched her with individual desire*» [22, с. 24]). Это создает эффект двойного отчуждения: Керри одновременно испытывает физическое влечение к вещам и остро осознает свою исключенность из мира потребления («*not any of these things were in the range of her purchase*» [22, с. 24]). В переводе это противоречие передается через противопоставление «*все ей хотелось иметь*» и «*ни один из них ей не по средствам*» [10, с. 27]. Однако нюансы оригинала частично утрачиваются: глагол «*long to own*», передающий навязчивую интенсивность желания, сводится к нейтральному «*хотелось иметь*»; телесная метафора «*touched*» (досл.: «*касалось*») заменяется более абстрактным «*внушал желание*». Особенно показательно описание «*fine ladies*» [22, с. 24], которое в оригинале предстает как «*eagerly enlisted in the materials*» [22, с. 25] – модальность добровольного подчинения вещам. В переводе этот сложный образ упрощается до «*пожирали глазами*», что, на наш взгляд, несколько нивелирует социально-критический пафос Драйзера.

Социальная среда формирует в Керри потребительские желания. Теперь, когда героиня оказывается в доме сестры, этот механизм приобретает новое измерение – мечты о театре становятся проверкой способности отстаивать свои желания. Драйзер начинает

с внутреннего монолога Керри, где модальность желания принимает форму безусловного утверждения: «*I will have a fine time*» [22, с. 32]. В переводе эта трансформация передается через контраст между условным сослагательным наклонением («*были бы ей доступны, случись ей родиться богатой*» [10, с. 33]) и категоричным «*И начнется чудесная жизнь*» [10, с. 33]. Однако в оригинале переход более драматичен: английское «*I will have*» выражает волю к реализации, тогда как русское «*начнется*» предполагает пассивное ожидание. Внутренний перелом проявляется в диалоге о театре. Керри последовательно переходит от осторожного «*I should like to walk up*» [22, с. 34] (формально-вежливое пожелание, в переводе – «*Хорошо бы*» [10, с. 35]) к прямому требованию «*Let's you and me go*» [22, с. 34] (в переводе – «*Давай пойдём вдвоем!*» [10, с. 35]). Эскалация сохраняется, но сглаживаются нюансы: русское «*А мне хотелось бы*» добавляет оттенок каприза, отсутствующий в более нейтральном английском «*I'd like to go*».

Авторский комментарий («*her craving for pleasure was so strong...*» [22, с. 35]) вскрывает суть этого психологического сдвига. В оригинале Драйзер использует почти физиологическую метафору – «*the one stay of her nature*» [22, с. 35] (досл.: «*единственная опора ее натуры*»), которую переводчик смягчает до «*одной из основных черт*» [10, с. 36]. Эта замена существенна: у Драйзера желание – базовый инстинкт, в русской версии – просто характерная особенность.

Переход от первоначальных робких мечтаний к осознанному выбору содержанки демонстрирует качественное изменение в выражении желаний героини. В седьмой главе Керри, оказавшись в безвыходном положении – без работы, без перспектив в доме сестры, стоит перед выбором: вернуться в провинцию или принять предложение Друэ. Драйзер показывает, как первоначальная робость Керри сменяется готовностью к решительному шагу. В диалоге с коммивояжером ее реплики строятся на модальности невозможности («*I can't get anything here*», «*They can't*» [22, с. 77]), что создает смысловой вакуум для его императивного предложения («*You come with me*» [22, с. 77]). Перевод сохраняет эту динамику, хотя и смягчает фаталистические нюансы оригинала. Например, конструкция «*She was there to object and be convinced*» [22, с. 77] (Досл.: «*она была там, чтобы возражать и быть убежденной*») передается как «*она должна была протестовать*» [10, с. 74] и придает действиям Керри большую осознанность.

Рассмотрим ключевую сцену, где Керри принимает судьбоносное решение остаться с Друэ. В этот момент ее восприятие передается через значимую метафору – предложение мужчины становится для героини «*welcome breath of an open door*» [22, с. 77]. Данный образ органично сочетает социальные и физиологические аспекты: «*open door*» символизирует новые жизненные перспективы, тогда как «*breath*» транслирует почти рефлекторный характер реакции девушки. В русскоязычной версии этот комплексный образ трансформируется в «*свежий воздух из распахнутой двери*» [10, с. 74]. Хотя в переводе основная метафорическая структура сохранена, теряются важные смысловые оттенки: исчезает компонент желанности («*welcome*»), а телесная конкретика дыхания («*breath*») подменяется более абстрактным понятием «*воздух*». Эти изменения, возможно, упрощают характерный для Драйзера синтез физиологического и социального в поведении персонажей.

После решения остаться с Друэ перед Керри встает новая дилемма: как примирить материальные приобретения с пробуждающейся совестью. В сцене перед зеркалом Драйзер создает эффект раздвоения: внешне героиня видит улучшенную версию себя («*a prettier Carrie*») [22, с. 103], тогда как внутренний взгляд обнажает моральную деградацию («*a worse*»).

Конфликт здесь выражен через полифонию языковых регистров. Восторженные реплики Друэ («*My, but you're a little beauty*» [22, с. 103]) встречают демонстративно-

кокетливый ответ Керри. Ее «*Oh, I don't know*» [22, с. 103] – это не искреннее сомнение, а точно рассчитанная ложная скромность: за показной неуверенностью («*hesitating to believe*») скрывается удовольствие от комплимента («*feeling delight*»). Сцена успешно передает важный этап в эволюции героини – усвоение ею тех «правил игры», которые требуют от женщины сочетания внешней недоступности и скрытого поощрения мужского внимания. Впрочем, в этом же эпизоде Драйзер делает из «*маленькой заурядной совести*» [10, с. 98] рупор коллективной морали. Фраза «*the voice of the people was truly the voice of God*» (Досл.: «*глас народа поистине был гласом божьим*») [22, с. 103] подчеркивает непростой характер нравственных терзаний Керри: ее муки совести предстают не личным выбором, а интериоризированным социальным давлением.

Особого внимания заслуживает постепенное изменение восприятия материальных объектов в сознании Керри. Драйзер изображает процесс мистификации вещей: кружевной воротничок, кокетливо убеждающий «*Дорогая моя... до чего я тебе к лицу!*» [10, с. 106], и новые туфли, восклицающие «*Ах, какие прелестные ножки!*» [10, с. 106], обретают статус почти сакральных объектов. Сравнение их убеждающей манеры с миссионерским красноречием – «*they spoke tenderly and Jesuitically for themselves*» [22, с. 111] («*говорил... мягко и вкрадливо, как иезуит*») – вскрывает религиозный подтекст и придает сцене характер своеобразного светского обряда посвящения.

После признания в любви между Керри и Герствудом происходит важный психологический перелом. Девушка, еще недавно восхищавшаяся трехкомнатной квартиркой Друэ, теперь воспринимает ее как нечто убогое и недостойное – драйзеровский реализм тонко фиксирует эту трансформацию запросов. Но в Герствуде героиня видит не просто возможность улучшить свое положение. Его главное оружие – не статус сам по себе, а умение этот статус преподнести: благородные манеры, всепоглощающая страсть и та особая аура респектабельности, которая заставляет Керри поверить, что он может стать ее спасительной силой. В переводе точно передается переход от прагматичного расчета к почти романтическому восприятию – в русском тексте особенно выразительно звучит фраза о «*светлых переменах*» [10, с. 138], подчеркивающая, что героиня теперь жаждет не просто комфорта, а принципиально иного качества жизни. При этом Драйзер сохраняет иронию: «*надежда выбраться из бесчестья*» [10, с. 138] (в оригинале более жесткое «*freedom from dishonour*» [22, с. 146]) на деле оказывается иллюзией – ведь отношения с женатым Герствудом социально еще более сомнительны, чем связь с Друэ.

Анализ модальности желания в «Сестре Керри» невозможно ограничить материальными устремлениями – творческие амбиции героини становятся не менее важным вектором ее развития. Случайная возможность сыграть в любительской постановке пробуждает в Керри неожиданный азарт: «*that secret flame... kindled in her bosom*» [22, с. 173] (Досл.: «*то тайное пламя... зажженное в ее груди*»). Особенно значимо, что драйзеровское описание артистического дара Керри («*passivity of soul which is always the mirror of the active world*») – «*пассивность души, делающая ее зеркалом активного мира*» [22, с. 173]) напрямую связано с ее прежними «зеркальными» практиками – теми самыми репетициями перед зеркалом, во время которых она подражала аристократкам и воспроизводила драматические сцены.

Момент театрального озарения Керри переживает в привычном пространстве самоанализа – кресле-качалке у окна. Однако теперь ее фантазии приобретают качественно иной характер, фокус смещается на драматические переживания: от тоски до «*гордого гнева обманутой*» [10, с. 163-164]. В данном эпизоде Драйзер раскрывает сложную архитектуру желания героини через взаимодействие когнитивных, эмоциональных и волевых компонентов. Процесс начинается с визуального моделирования («*She saw herself...*» – «*Она видела себя...*»), где девушка конструирует возможные сценические образы, что перерастает

в глубокую эмоциональную вовлеченность («*Her mind delighted itself...*» – «*Перед нею пронеслись сцены...*»). Завершается этот внутренний акт формированием твердой установки («*She built up feelings and a determination...*» – «*В ней возникали чувства и... решения*»), которая превращает случайную возможность в мнимую необходимость.

После побега в Нью-Йорк и неудачного начала совместной жизни с Герствудом Керри сталкивается с жестоким разочарованием: иллюзии о социальной состоятельности возлюбленного рушатся, обнажается бесперспективность их положения. Модальность желания в речи и внутренних монологах героини претерпевает значительную эволюцию – от пассивного ожидания перемен к осознанию необходимости активного действия. В данном фрагменте Драйзер изображает переломный момент, когда героиня, столкнувшись с финансовым крахом Герствуда, начинает воспринимать его не как опору, а как препятствие для реализации собственных потребностей. Ключевым маркером этой трансформации становится контраст между модальными конструкциями, выражающими обязанность и желание. Если ранее Керри демонстрировала сочувствие («*the sympathy she felt for Hurstwood*» [22, с. 430]), то теперь ее доминирующим состоянием становится сожаление («*Carrie wished more and more that Hurstwood was not in the way*» [22, с. 430]). В переводе этот нюанс передан через лексическое усиление: «*Керри все больше досадовала, что Герствуд ей мешает*» [10, с. 395]: здесь глагол «*досадовала*» (в оригинале – более нейтральное «*wished*») придает эмоциональную напряженность.

Особого внимания заслуживает смена акцентов в выражении необходимости. Герствуд, исчерпав средства, вынужден оправдываться («*I'm clear out*»), а героиня переходит от абстрактных мечтаний к прагматичному расчету. В оригинале Драйзер использует градацию: «*need of clothes*», «*desire for ornaments*», «*love of good appearance*». Можно предположить, что таким образом даже эстетические запросы героини становятся вопросом выживания. В русскоязычной версии добавляется разговорная частица «уж» («*уж не говоря о желании купить кое-какие украшения*» [10, с. 395]) – эффект нарастающего раздражения усиливается. Натуралистическая детализация быта (например, подсчет центов на еду или уголь) служит фоном для психологического кризиса: Герствуд берет деньги, Керри фиксирует смену ролей («*Carrie scarcely noticed that this was the beginning of the new order*» [22, с. 430–431]). Эпизод важен для понимания нарративной функции модальности желания: Драйзер показывает, как внешние обстоятельства трансформируют внутренние установки. Керри, еще недавно зависевшая от мужчин, теперь руководствуется не романтическими иллюзиями, а жесткой логикой самообеспечения. Ее желания, оставаясь материальными, приобретают инструментальный характер – они становятся способом утвердить автономию.

Достигнув успеха, Керри оказывается в парадоксальной ситуации: внешне она обрела все, о чем мечтала, но внутренне испытывает опустошение. Модальность ее желаний теперь выражается не в активном стремлении, а в тревожной рефлексии. Например, обустроившись в новой квартире, героиня продолжает думать о покинутом Герствуде: «*half expecting to encounter him at the door*» [22, с. 486] («*почти уверенная, что столкнется с ним*»). Впрочем, эти мысли уже лишены прежней эмоциональной силы. Автор показывает, что теперь Керри испытывает жажду признания – профессия «поглощает» героиню («*absorbs one*» [22, с. 486]), что в переводе это звучит еще более категорично – «*засасывает человека*» [10, с. 446].

Последняя встреча с Герствудом – словно зеркало, в котором Драйзер показывает перерождение Керри. В сцене у театра «Казино» особенно явственно проступает ее новая натура – холодная, расчетливая, отгороженная от прошлого. Героиня, подавая деньги, демонстрирует не столько сострадание, сколько смущение и желание поскорее избавиться от напоминания о прошлом. Ее формальные вопросы («*what's the matter with you?*» [22, с. 531])

и его горькая реакция («*almost resenting her excessive pity*» [22, с. 532]) подчеркивают коммуникативный диссонанс – окончательный разрыв между персонажами. С точки зрения нарратологии особую значимость приобретает несовершенный характер потенциального катарсиса – Керри, обладая возможностью для спасения Герствуда, избегает глубокой вовлеченности, а после и вовсе забывает о встрече.

**Выводы.** Проведенный анализ выявил, что модальность желания в речи Керри Мибер проходит сложную эволюцию – от робких, социально обусловленных мечтаний до осознанного стремления к успеху. Примечательно, что героиня не столько преодолевает обстоятельства, сколько подстраивается под них, постепенно трансформируя свои желания в мнимую необходимость. Драйзер раскрывает эту динамику через специфические языковые средства: интенсивное использование глаголов с семантикой сильного желания, телесные метафоры, контраст между внешней сдержанностью и внутренней напряженностью реплик. Особенно показательно, как автор изображает процесс самооправдания, когда желания Керри постепенно приобретают в ее сознании характер единственно возможного выбора.

Сравнительный анализ показал, что различия между оригиналом и переводом носят системный характер и связаны с объективными особенностями языков. В некоторых случаях русский вариант М. Волосова смягчает физиологичность образов, сохраняя при этом основную смысловую нагрузку. Однако эти изменения не затрагивают ключевые аспекты авторского замысла.

Исследование подтвердило, что модальность желания в романе выполняет двойную функцию: с одной стороны, она служит инструментом психологического углубления образа главной героини, а с другой – становится важным элементом критического изображения американского общества рубежа XIX–XX веков. Через эволюцию речевых характеристик героини Драйзер демонстрирует, как капиталистическая среда и формирует человеческие желания, и определяет способы их реализации, превращая личностные устремления в механизм социальной адаптации. Этот художественный прием позволяет автору раскрыть ключевую антиномию произведения – противоречие между видимым успехом и нравственной деградацией личности.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко Л. Г.* Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // *Оценки и ценности в современном научном познании* : сб. науч. тр. – Калининград, 2009. – С. 133–142.
2. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка: перевод с третьего французского издания [Электронный ресурс]. – М. : Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с. – URL : <https://www.booksite.ru/fulltext/shar/text.pdf> (дата обращения: 14.07.2025).
3. *Ваулина С. С.* Специфика функциональной соотнесенности категорий модальности и персональности в художественном тексте // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание.* – 2013. – № 3(19). – С. 34–39.
4. *Ваулина С. С.* Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.). – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1988. – 144 с.
5. *Ваулина С. С., Лашкова И. С.* Особенности выражения модального значения необходимости в языке русских и литовских газет // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта.* – 2011. – Вып. 8. – С. 8–13.
6. *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах // *Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике : избранные труды.* – М. : Наука, 1975. – С. 53–87.
7. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – 5-е изд., стереотипное. – М. : КомКнига, 2007. – 144 с.
8. *Гриб В. А.* Интерпретация как основная задача перевода художественного текста // *Перевод как средство взаимодействия культур.* – 2015. – № 1. – С. 112–120.
9. *Данилова Е. А., Петрова Н. Ю.* Специфика грамматических средств выражения желательности в русском языке // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.* – 2017. – № 3(95), ч. 2. – С. 37–42.

10. Драйзер Т. Сестра Керри / пер. с англ. М. Волосова. – М. : Эксмо, 2025. – 512 с.
11. Засурский Я. Н. Теодор Драйзер. «Сестра Керри» – американская литература [Электронный ресурс]. – URL : <https://american-lit.niv.ru/american-lit/zasurskij-drajzer/sestra-kerri.htm> (дата обращения: 06.08.2025).
12. Колосова М. В. Средства выражения модального значения желательности в английском языке // Преподаватель XXI век. – 2011. – Т. 2, № 3. – С. 294–299.
13. Кузнецова А. В. Авторская модальность художественного текста в парадигме нарратологии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 164–170.
14. Кузнецова А. В. Художественный текст эпохи постмодерна: модальность и нарративные стратегии // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2022. – № 7. – С. 670–674.
15. Кукса И. Ю. Диахронический аспект изучения модальности публицистического текста // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению : сб. науч. тр. – Калининград : БФУ им. И. Канта, 2008. – С. 169–180.
16. Мороз Н. А. Средства выражения субъективной модальности художественного текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 14, № 3. – С. 29–33.
17. Насанбаева Э. Р. Герменевтический «круг» модальности в художественном переводе (на материале произведений Т. Драйзера и русскоязычных версий их перевода) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Уфа, 2013. – 215 с.
18. Насанбаева Э. Р. Роль модальности в процессе речевого воздействия (в текстах оригинала и перевода романа Т. Драйзера «Финансист») // Человеческий фактор в языке и культуре : сб. науч. ст. – Уфа : Башкирский государственный университет, 2011. – С. 202–206.
19. Насруллаева Т. С. Перевод художественного текста как интерпретация: на примере произведений Т. Драйзера // Central Asian Journal of Academic Research. – 2025. – Vol. 3, Iss. 3. – P. 97–99.
20. Никитина А. А. Текстообразующая функция модальных экспликаторов в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2021. – № 4. – С. 33–40.
21. Сычугова Л. А., Евласьев А. П. Лингвистические особенности функционирования авторских комментариев в английском художественном тексте (на материале англоязычного романа Т. Драйзера «Сестра Керри») // Litera. – 2020. – № 12. – С. 1–9.
22. Dreiser T. *Sister Carrie* / – New York : Grosset & Dunlap, 1917. – 557 p.

Статья поступила в редакцию 11.08.2025

#### REFERENCES

1. Babenko L. G. Ocenochnyj faktor v formirovanii modal'nogo prostranstva teksta // Ocenki i cennosti v sovremennom nauchnom poznanii : sb. nauch. tr. – Kaliningrad, 2009. – S. 133–142.
2. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogoazyka: perevod s tret'ego francuzskogo izdaniya [Elektronnyj resurs]. – M. : Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1955. – 416 s. – URL : <https://www.booksite.ru/fulltext/sharl/text.pdf> (data obrashcheniya: 14.07.2025).
3. Vaulina S. S. Specifika funkcional'noj sootnesennosti kategorij modal'nosti i personal'nosti v hudozhestvennom tekste // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. – 2013. – № 3(19). – S. 34–39.
4. Vaulina S. S. Evolyuciya sredstv vyrazheniya modal'nosti v russkomazyke (XI–XVII vv.). – Leningrad : Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1988. – 144 s.
5. Vaulina S. S., Lashkova I. S. Osobennosti vyrazheniya modal'nogo znacheniya neobходимости vazyke russkih i litovskih gazet // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. – 2011. – Vyp. 8. – S. 8–13.
6. Vinogradov V. V. O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah // Vinogradov V. V. Issledovaniya po russkoj grammatike : izbrannye trudy. – M. : Nauka, 1975. – S. 53–87.
7. Gal'perin I. R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya. – 5-e izd., stereotipnoe. – M. : KomKniga, 2007. – 144 s.
8. Grib V. A. Interpretaciya kak osnovnaya zadacha perevoda hudozhestvennogo teksta // Perevod kak sredstvo vzaimodejstviya kul'tur. – 2015. – № 1. – S. 112–120.
9. Danilova E. A., Petrova N. Yu. Specifika grammaticheskikh sredstv vyrazheniya zhelatel'nosti v russkomazyke // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2017. – № 3(95), ch. 2. – S. 37–42.
10. Drajzer T. Sestra Kerri / per. s angl. M. Volosova. – M. : Eksmo, 2025. – 512 s.
11. Zasurskij Ya. N. Teodor Drajzer. «Sestra Kerri» – amerikanskaya literatura [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://american-lit.niv.ru/american-lit/zasurskij-drajzer/sestra-kerri.htm> (data obrashcheniya: 06.08.2025).
12. Kolosova M. V. Sredstva vyrazheniya modal'nogo znacheniya zhelatel'nosti v anglijskomazyke // Преподаватель XXI век. – 2011. – Т. 2, № 3. – С. 294–299.

13. Kuznecova A. V. Avtorskaya modal'nost' hudozhestvennogo teksta v paradigme narratologii // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. – 2019. – № 4. – S. 164–170.
14. Kuznecova A. V. Hudozhestvennyj tekst epohi postmoderna: modal'nost' i narrativnye strategii // Dinamika yazykovykh i kul'turnykh processov v sovremennoj Rossii. – 2022. – № 7. – S. 670–674.
15. Kuksa I. Yu. Diahronicheskij aspekt izucheniya modal'nosti publicisticheskogo teksta // Modal'nost' v yazyke i rechi: novye podhody k izucheniyu : sb. nauch. tr. – Kaliningrad : BFU im. I. Kanta, 2008. – S. 169–180.
16. Moroz N. A. Sredstva vyrazheniya sub'ektivnoj modal'nosti hudozhestvennogo teksta // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2017. – T. 14, № 3. – S. 29–33.
17. Nasanbaeva E. R. Germenevticheskij «krug» modal'nosti v hudozhestvennom perevode (na materiale proizvedenij T. Drajzera i russkoyazychnykh versij ih perevoda) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – Ufa, 2013. – 215 s.
18. Nasanbaeva E. R. Rol' modal'nosti v processe rechevogo vozdejstviya (v tekstah originala i perevoda romana T. Drajzera «Finansist») // Chelovecheskij faktor v yazyke i kul'ture : sb. nauch. st. – Ufa : Bashkirskij gosudarstvennyj universitet, 2011. – S. 202–206.
19. Nasrullaeva T. S. Perevod hudozhestvennogo teksta kak interpretaciya: na primere proizvedenij T. Drajzera // Central Asian Journal of Academic Research. – 2025. – Vol. 3, Iss. 3. – P. 97–99.
20. Nikitina A. A. Tekstoobrazuyushchaya funkciya modal'nykh eksplikatorov v romane L. N. Tolstogo «Anna Karenina» // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya. – 2021. – № 4. – S. 33–40.
21. Sychugova L. A., Evlas'ev A. P. Lingvisticheskie osobennosti funkcionirovaniya avtorskih kommentarij v anglijskom hudozhestvennom tekste (na materiale angloyazychnogo romana T. Drajzera «Sestra Kerri») // Litera. – 2020. – № 12. – S. 1–9.
22. Dreiser T. Sister Carrie/ – New York : Grosset & Dunlap, 1917. – 557 p.

The article was contributed on August 11, 2025

#### **Сведения об авторе**

*Баранов Михаил Алексеевич* – аспирант направления «Литературы народов мира» Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, г. Калининград, Россия, <https://orcid.org/0009-0001-7541-5062>, [barmysh21@gmail.com](mailto:barmysh21@gmail.com)

#### **Author Information**

*Baranov, Mikhail Alekseevich* – Post-graduate Student majoring in Literature of the Peoples of the World, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, <https://orcid.org/0009-0001-7541-5062>, [barmysh21@gmail.com](mailto:barmysh21@gmail.com)